

Вера Хлебникова, Евгений Деменок

Хлебниковы в Украине и Одессе

24 июня 2016 года в Одессе произошло знаковое событие. Состоялось открытие мемориальной доски «Председателю земного шара», великому поэту Велимиру (Виктору) Хлебникову на доме по улице Белинского, 13. В этом доме останавливался он во время своего первого визита в Одессу летом 1910 года.

Наверное, не случайно памятный знак в Одессе появился раньше, чем в Москве и Санкт-Петербурге (будем надеяться, что они там все же появятся в скором времени). Вся семья Хлебниковых была тесно связана и с Украиной, и с Одессой. Сестра поэта Вера Хлебникова писала о своей «запорожской душе». И пусть мы не знаем, преувеличивает ли поэт-футурист Дмитрий Петровский в своих воспоминаниях о Велимире Хлебникове, говоря о том, что «Хлебников по матери украинец», но «большое количество производных от украинских корней слов в его творениях» – правда.

Четыре украинских города, четыре места стали наиболее близкими для Хлебниковых в Украине – Святошино, Одесса, Киев и Харьков. Но – обо всем по порядку.

После окончания факультета биологии естественного отделения Санкт-Петербургского университета в 1882 году Владимир Алексеевич Хлебников женится на Екатерине Николаевне Вербицкой, дочери капитана гвардии, действительного статского советника Николая Иосифовича Вербицкого. Род Вербицких – выходцы из Польши, но об этом исходе сведений в семье не сохранилось.

Орнитолог по призванию, лесовед и землеустроитель, Владимир Алексеевич получает первое назначение – попечитель Малодербетовского улуса управления калмыцким народом –

Владимир Алексеевич Хлебников

Екатерина Николаевна Хлебникова

и вместе с женой уезжает на место службы, в Калмыцкую степь. Владимир Алексеевич служил по ведомству министерства земледелия и государственного имущества. Для него, родившегося в Астрахани, эти степные калмыцкие края были не внове. Но петербуржанка, смолянка Екатерина Николаевна к Малым Дербетам, селу, где родились все пятеро детей Хлебниковых – Борис, Екатерина, Виктор (Велимир), Александр и Вера, – так и не смогла привыкнуть. Она знала несколько языков, играла на пианино. До замужества учила детей-сирот русскому языку, литературе, истории. Владимир Алексеевич – страстный охотник, знаток природы, привил детям свою любовь, мечтал видеть сыновей учеными-естественниками. В доме всегда жили охотничьи собаки, то ручной заяц, то лосенок. Дети росли вольными, свободными, ценящими простор степи, лесов, моря. Но и у петербургской родни часто и подолгу гостили – там их, также по наказу отца, водили по музеям.

Вера, Екатерина Николаевна, Виктор, Владимир Алексеевич

Вскоре после рождения пятого ребенка, младшей дочери Веры, Владимир Алексеевич получил новое назначение, и Хлебниковы переехали в Волынскую губернию, село Подлужное. Затем – в село Помаево Симбирской губернии.

В 1898 году Владимир Алексеевич назначается на должность управляющего Казанским имением Алатырского удельного округа, и семья переезжает в Казань. Во Второй казанской мужской гимназии учился прежде и сам Владимир Алексеевич.

Десять лет семья Хлебниковых прожила в Казани. Весной 1908 года Хлебниковы принимают решение покинуть город – из писем главы семейства Владимира Алексеевича видно, что летом 1908-го он начинает хлопотать об отставке, параллельно с этим подыскивая новое место жительства. Хлебниковы не очень жаловали столицы – несмотря на то, что дети часто гостили у бабушки в Петербурге, они так и не полюбили городскую жизнь. Поэтому искали такое место, где рядом с городской цивилизацией было достаточно природы. Одесса и Святошино под Киевом были такими местами и рассматривались в качестве вариантов. В сентябре 1908 года Владимир Алексеевич выходит в отставку в чине статского советника, а дети подают прошения о переводе в учебные заведения в других городах.

Виктор Хлебников, окончивший в 1903 году гимназию и поступивший в том же году на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета, в начале 1908 года подает прошение о переводе на пятый семестр естественного отделения Санкт-Петербургского университета – к тому времени в Казани он имел четыре зачетных семестра. Главной причиной переезда в столицу было решение заняться литературой. В Петербурге он становится посетителем «Башни» Вячеслава Иванова, появляются и другие литературные знакомства.

Александр Хлебников, в это же время учившийся на естественном отделении Казанского университета, также решает уехать из Казани и подает прошение о переводе в Одессу, в Новороссийский университет, куда и был зачислен в августе 1908 года – на математическое отделение физико-математического факультета. 17 сентября того же года он подал прошение на имя ректора о переводе на естественное отделение того же факультета. Заявление это хранится в личном деле студента Александра Владимировича Хлебникова в Одесском областном государственном архиве.

Вера Хлебникова, проучившаяся 3 года в Казанской художественной школе, едет в Киев, где поступает вольнослушательницей в художественное училище*.

* В 1906-1909 годах в Киевском художественном училище учился и Петр Васильевич Митурич (1887-1956), который в 1924 году стал мужем Веры Владимировны. Но тогда в Киеве знакомство двух художников не состоялось.

На лето Екатерина Николаевна Хлебникова с детьми Виктором, Верой и Александром уезжают в Судак.

Болезнью и смертью весной 1908 года старшего из сыновей, Бориса, заканчивается для семьи десятилетие в Казани.

В сентябре 1908 года, по окончании дачного сезона, Виктор Хлебников уезжает в Санкт-Петербург, Александр переезжает в Одессу, сюда же на короткое время приезжают родители.

* * *

Сестра Екатерины Николаевны Хлебниковой, урожденной Вербицкой, Варвара Николаевна, была замужем за Николаем Рябчевским.* Их дети, Маруся и Коля Рябчевские, дружили с двоюродными братьями и сестрами Хлебниковыми**. Семья Рябчевских жила то под Киевом, в Святошино, то в Одессе; переезды были вызваны работой главы семьи.

Вера из Святошино ездит на занятия в Киев.***

В автобиографических записках, написанных в 1922 году, Вера пишет: «Киево-Печерская лавра. Что-то напевно-зовущее во всем ее облике, белых стенах, больших и маленьких золотых куполах, образующих в небе чарующее сочетание. Что может напомнить она только начинающему жизнь?.. Какие-то смутные бесчисленные образы возникают, исчезают, опять повторяются, не беззвучны остаются и эти темные суровые пещеры... Аскольдова могила – над обрывом – ужасно разочаровывает, но к ней опять тянет: сидишь, притаившись, – хочется подслушать какую-то тайну...

С утра до вечера тянутся к Лавре богомольцы... Со всех концов России... Идут сразу помногу... как вышли вместе из какой-нибудь лесной далекой северной деревни, так и шли большими жуткими

* Николай Юрьевич Рябчевский, глава родственной семьи, служил старшим ревизором акцизного управления Херсонской губернии.

** Дочери Варвары Николаевны, Марии Рябчевской (1893-1979), посвящено стихотворение Хлебникова «Армянское послание Марии Рябчевской». Сыну Николаю (1896-1920), талантливому скрипачу, композитору, – эссе «Коля был красивый мальчик...» (1912-1913).

*** В Святошино Хлебников написал драматическую поэму «Внучка Малуши» и рассказ «Велик-день» (см. в письме В.В. Каменскому от 8 августа 1909. НП, 357-359).

Велимир Хлебников, Александр Хлебников и Коля Рябчевский. Конец 1900-х

и желанными лесами, бесконечными полями... Густо, сурово, четко – вышитые холщовые рубахи, повойники, многоцветные рукава у богомолок. И они принесли, и верно знают ее, какую-то свою лесную дремную тайну и свою простую веру... и хочется идти с ними и верить так же... и пройти вместе в их молитвенно-суровые леса, где цветут белые влажные ландыши, как белые молитвы... Они говорят мало, они совсем не хотят говорить...

Лавра очень далеко от предместья Киева, где живем, но ходить сюда не устаешь и забываешь время, смотря на эту идущую и ищущую Русь...

В храме Святого Владимира вся роспись исполнена Нестеровым и Васнецовым, приковывают и зовут какие-то весенние, хрупкие святые Нестерова, неясно хочется их жизни, их подвига, не этих лишь святых, но всего нестеровского нежного тоскующего мира...»

И далее:

«Удается поступить в киевскую школу. Экзамен выдержан, но такой безнадежностью веет там, внутри, что... уже туда не возвращаешься. Сколько времени без любимой работы!

А окружающая жизнь вдруг начинает казаться ненужной, не настоящей, чудится какой-то другой мир... может, он и сказочный... но хочется найти его, слиться с ним, осуществить его хотя бы в образах... Его ищет сознание, его ищут краски, начертания, – куда-то отплываешь, тоскуя и радуясь. Но куда же плыть?! Туман не рассеивается. Хочется найти себя в творчестве, понять свои силы. То они кажутся полными возможностей, то... ничем, и это мучительно. На холсте какие-то бессвязные бои красок и очертаний, «похожесть» уже не радует.

А кругом нет никого, кто бы сказал».

* * *

О двух годах, проведенных Александром Хлебниковым в Одессе, нам могут рассказать его письма родным и архивные материалы. Дело студента Императорского Новороссийского университета Александра Владимировича Хлебникова хранится в Государственном архиве Одесской области, фонд 45, опись номер 5, спр. 14104. В деле находятся следующие документы:

– прошение на имя ректора от 17 сентября 1908 года о переводе с математического отделения физико-математического факультета на естественное отделение того же факультета;

– письмо от ректора Императорского Казанского университета ректору Императорского Новороссийского университета от 15 июля 1908 года, сопровождающее документы на перевод Александра в Новороссийский университет, в котором указаны дата его рождения (25 августа 1887 года), прослушанные им за два семестра в Казани предметы, а также отмечено его отличное поведение;

– письмо от проректора Императорского Новороссийского университета в Казанское городское по воинской повинности присутствие от 7 ноября 1908 года, препровождающее свидетельство о приписке Александра к призывному участку № 1086;

– письмо от проректора Императорского Новороссийского университета директору Казанского реального училища от 22 декабря 1908 года с просьбой указать, был ли выдан Александру Хлебникову аттестат от 5 июня 1906 года за № 557 и свидетельство от 7 июня 1907 года за № 458;

– ответ из Казани, подтверждающий, что Александру Хлебникову были выданы указанные выше аттестат и свидетельство об окончании курса в Казанском 1-м реальном училище;

– письмо от председателя Одесского городского по воинской повинности присутствия проректору Новороссийского университета с просьбой прислать в присутствие свидетельство об отбывании воинской повинности, выданное Александру Хлебникову в Казани;

– письмо от проректора Императорского Новороссийского университета в Казанское городское по воинской повинности присутствие от февраля 1911 года о том, что Александр перешел в Московский университет;

– свидетельство (увольнительный билет) от ректора Казанского университета, выданное Александру Хлебникову об увольнении его в отпуск с 21 мая по 20 августа 1908 года, для свободного проезда и проживания; на оборотной стороне проставлен штамп от 6 сентября 1908 года «Явлен в управление присутствия Бульварного полицейского участка г. Одессы» из дома по Колодезному переулку, номер неразборчив; от 8 сентября 1908 года «Явлен в управление присутствия Бульварного полицейского участка г. Одессы из гостиницы «Неаполь», дом 62 по улице Нежинской»; а уже 13 сентября того же года он зарегистрирован в доме номер 14 по Авчинниковому переулку; перед этим на том же документе проставлен штамп от 3 июля 1908 года о регистрации у пристава 1 стана Феодосийского уезда;

– формуляры с предметами, прослушанными в университете, и оценками по ним;

– прошение на имя ректора от 29 мая 1910 года о переводе в Московский университет;

– запрос в канцелярию Новороссийского университета о том, удовлетворена ли просьба о переводе в Московский университет (на запросе стоит штемпель университета с датой – 6 июля 1910 года; своим адресом Александр указал так: Симбирская губерния, Курмышский уезд, Теплый Стан, село Алферово);

– письмо на имя ректора Императорского Московского университета от ректора Императорского Новороссийского университета от 8 ноября 1910 года, в котором описаны детали учебы

Александр Хлебников

Александра Хлебникова в Казанской второй гимназии, Казанском университете и Новороссийском университете.

Последнее письмо является, пожалуй, наиболее информативным – в нем подробно описаны все детали учебы Александра Хлебникова и в Казани, и в Одессе. Ну, а самым интересным является, бесспорно, увольнительный билет с адресами, по которым жил в Одессе Шура Хлебников.

От сухих и бесстрастных архивных данных перейдем к свидетельствам живым и эмоциональным – письмам родным.

В одном из писем из Одессы Шура рассказывает отцу о своих впечатлениях от по-

сещения одного из первых сеансов воздухоплавания (от письма остался лишь фрагмент):

«Все, что я испытал – томление опасностью в обрывистых скалах, когда-то любил в бури и (нрзб). Все эти ощущения есть и в полете, но и по ним нельзя его представить, только птичий полет дает полную картину. Нам приятно, как сокол, трепеща пропеллером, бросаться вниз, то сигать, как чайка, из стороны в сторону над морем или землей, или, замерев, как пролетная птица, (нрзб) со страшной быстротой мчаться в даль. Но странно, пилот не догадался захватить меня с собой – он взял какого-то башкира, сидевшего на аэроплане как кутенок на заборе. Публики было около 50 тысяч, она кричала «ура», бросала шапками в аэроплан, я видел пилота, вблизи он скорее похож на кучера, чем на Икара.

Дядя нашел и купил у старухи скрипку «Страдивари», свою давнишнюю мечту, знаток говорит, что это редкий экземпляр лучшей эпохи этого мастера. Дядя купил ее за 9 р. Починка будет

стоить несколько сот, а сама скрипка – может быть – тысячу, или несколько*.

<...> Скоро опять иду смотреть на полет».

Были ли это полеты на аэроплане «Фарман-IV», выполненные первым русским авиатором Михаилом Ефимовым в декабре 1909 и марте 1910 года, или полет Сергея Уточкина в том же марте 1910-го? В любом случае увидеть такое можно было только в Одессе – оба первых дипломированных летчика в Российской империи жили в нашем городе.

Ну, а скрипку дядя Александра, Николай Рябчевский, купил, конечно же, для своего сына Коли, талантливого скрипача, который проявлял незаурядные музыкальные способности и учился в Киеве у композитора Р.М. Глиэра, и даже сочинял музыку – известны его марш «Вступление во Львов» и вальс «Liric».

Виктор Хлебников очень любил Колю, переписывался с ним, хотя Коля намного был моложе. В посвященном Коле эссе «Коля был красивый мальчик...» (1912-1913) есть замечательные строки об Одессе:

«В Одессе, а это было в Одессе, многие переселялись на берег моря в легкомысленных клетушках, воздвигая их вдоль тропинок, угощая в праздник<и> т<олпу> дорогим чаем и дешевыми песенками. В этой полурывацкой жизни находили прелесть. Дети неловкой пухлой рукой подымают запутавшуюся в водорослях удочку. Другие, устав от уроков, видят ось жизни в ловле мелких рачков, толпами скользящих в воде. Волны – чувственный р<ой> от купа<льщиков>, в зеленом саду бродят еврейки и бросают жгучие и томные взгляды своего племени. Черные зрачки и белые белки их глаз удивительны, и они справедливо гордятся ими».

Однако мы забежали на несколько лет вперед. В ноябре-декабре 1908 года к Александру в Одессу приезжают родители и Катя. К ним собирается присоединиться и Виктор, между ними идет оживленная переписка.

Вот что пишет Виктор Владимиру Алексеевичу 25 ноября 1908 года из Петербурга в Одессу: «Я временно живу – у кого? У Гр. Судейкина! Они поселились в Лесном, и я, изгнанный 21-го со своей

* Велимир Хлебников упоминает эту скрипку в эссе «Коля был красивый мальчик...»: «У него было семь скрипок и скрипка Страдивариуса».

квартиры, поселился у них. Я занял у них 20 руб. В Харькове я оставил письма до востребования. «Ради воссоединения церквей» я готов переселиться к вам в Одессу, закончив свои литературные дела.

<...>

Я чувствую, что есть что-то, о чем надо написать, но не могу вспомнить.

Как здоровье Кати? И где ее адрес? Целую. Рад бы увидеться где-нибудь на юге».

Спустя три дня он отправляет в Одессу еще одно письмо – на этот раз матери Екатерине Николаевне: «Я давно не получаю писем ни от вас, ни из Харькова. «Дани» старшего поколения младшему тоже не получал по сегодня*. Посему я прожил около недели у Гр. С. Судейкина. <...> На днях опять будут хлопоты по литературным делам. Веду жизнь «богема». Петербург действует, как добрый сквозняк, и все выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства.

Покончив со своими делами, я не прочь увидеться с вами. Гр. Сем. побуждает меня окончить мои записки о Павдинском крае**. У меня на душе еще несколько дел и, кончив с ними, я готов бежать от города на дно моря.

В хоре кузнечиков моя нота звучит отдельно, но недостаточно сильно и, кажется, не будет дотянута до конца. Целую вас и привет Рябчевским; тете Варе, Коле, Марусе. Как поправилась и здоровье Кати? Вере буду писать о выставке. Ждите новых оттисков. Шура продолжает ли занятия естествоведением?***

Семья ждет Виктора в Одессе, но он так и не приезжает. Вот его письмо к матери от 28 декабря 1908 г. – из Москвы в Одессу: «Соединенной волей злого рока, меня и др., я не поехал в Одессу. Так как побывать у вас было внутренне необходимо, то, не скрою, я попал в какой-то тупик, из которого не мог найти выход. Я попал на вок-

* Речь идет о ежемесячных деньгах, которые отец семейства посылал каждому из четырех детей-учащихся. Катя тоже училась – на курсах зубных техников.

** Павдинская дача, Павдинский завод – поселок на Северном Урале. Виктор и Александр побывали там летом 1905 года, собрали коллекцию гнезд, яиц и птичьих шкурок для зоологического музея Казанского университета. Обработка братьями материалов экспедиции продолжалась еще долгое время. Велимир впечатления от поездки, записи птичьих голосов использовал в своем творчестве. Научное осмысление исследований передоверил младшему брату.

*** Александр пошел по дороге, уготованной отцом обоим сыновьям, и его научными интересами были ихтиология и биология.

зал в каком-то опьянении, чувствуя себя на пути в Одессу. Мне не пришло в голову поторопить извозчика. Извозчик подъехал к подъезду ровно в тот <момент>, когда пробило три часа. Я подбежал к перрону ровно в тот миг, когда щелкнул ключ сторожа. Так я испытал на себе власть возмездия, какую-то насмешку, но за что – не знаю. Теперь я в Москве. Сегодня осматривал Кремль. Завтра Третьяковская галерея и мн. др. Нам дали бесплатный кров, постель (в 3 студенческом общежитии) и вообще встречают с обычным московским радушием. Я удивился, найдя в общем московском облике какое-то благородство и достоинство. Москва – первый город, который победил и завоевал меня. Она изменилась к лучшему с тех пор, когда я был в ней. С Новым годом!».

Из Москвы Виктор уезжает в Киев, повидаться с Верой, затем, в первых числах января 1909-го – в Святошино, на дачу Рябчевских. В Святошино в это время приехала семья Варвары Николаевны Рябчевской. С ее детьми у Виктора сложились очень близкие, дружеские отношения – совсем не такие, как с питерскими родственниками, сестрой и братьями матери Софией Николаевной, Петром и Александром Николаевичем Вербицкими. С Колей Виктор трогательно дружил, а в Марию был влюблен...

В Святошине Виктор Хлебников остается надолго – съездив в мае 1909 года в Санкт-Петербург, в июне он вновь возвращается, чтобы провести там летние каникулы вместе со всей семьей.**** Жили Хлебниковы у двоюродной сестры матери, Дидевич. Мария Николаевна, Маруся Рябчевская (в замужестве Качинская), полвека спустя вспоминала: «Вся семья Хлебниковых, кроме Кати, жила в Святошине на даче у Дидевич, на 5-й просеке. Дом стоял среди пустой усадьбы, кругом только много сосен. Папа, Коля и я жили в это время у дяди Владимира Юрьевича по Северной улице, № 2, и ежедневно ходили на 5-ю просеку, где все вместе проводили целые дни и обедали. <...> К праздникам Витя всегда писал нам на открытках с изображением лотоса. Много писем пропало, а главное, тетрадка, в которой некоторые стихи были посвящены мне, с обращением О, Мария...».

**** В Святошине Хлебников написал драматическую поэму «Внучка Малуши» и рассказ «Велик-день» (см. в письме В.В. Каменскому от 8 августа 1909. НП, 357-359).

В Марию Виктор был влюблен своей обычной, трогательной и платонической влюбленностью. Догадывалась ли она об этом? Кто знает... В 1915 году, когда она выходила замуж, Хлебников написал ей поэтическое послание «Армянское Я», или «Армянское послание Марии Рябчевской». В нем – признание в любви:

В льну белом вы,
Индуски слез воздушная божница,
«И голос – горлинок криница,
Уст пращура военного зарница,
И сноп тугой косы – пшеница,
Венком из киевской травы.
Го асп стоял вдали, слагал любви несмелые напевы...
Ваш стан высок, изящен, гибок,
Там радуга смеющихся «застенчивых» улыбок!
Снопов пшеницы струя ржаная
И этот взор – луч неба у Дуная.
И вы воскликнули: окружена «жена» я.
И вам привет слагают ивы,
И вам завидуют вишни,
В семье цветов и вы не лишни!
Так вы воздушны и красивы...

Го асп – так Хлебников именовал самого себя. Послание двоюродной сестре он написал от имени своего армянского «Я» – в нем действительно была частица армянской крови.

* * *

Тем временем вопрос переезда семьи Хлебниковых из Казани оставался актуальным, и Александр Хлебников в письмах, отправляемых из Одессы отцу, рассуждал о месте, где могла бы обосноваться семья*:

«<...> если Кавказ** не удовлетворит наших, то мне кажется более разумным или по крайней мере привлекательным устроиться

* Письма без датировки, отправлены, скорее всего, в 1909 году.

** Виктор ездил на экскурсию по Кавказу, в Баку и Махачкалу. Обстановка в экскурсии была довольно суровая, Виктор мок под дождем, купался в горных реках.

в Цветошах (так Александр писал о Святошино. – **Прим. авторов**). Цветоши расположены около Киева, с которым соединены трамваем (15 мин. езды и 15 коп. оплаты). Цветоши постоянно растут, теперь это дачное место и в то же время вроде интеллигентной слободки, здесь есть прогимназия и т. д. Цв. расположены в бору (масса земляники), окружено лесами (хорош. охота). Некоторые слабогрудые из Одессы туда ездят. <...> Земли там казенные сдаются на лето, если половина арендаторов изъявит желание, то казна продаст им эти участки. Там можно заняться садоводством, пчеловодством, но большинство строит дачи, что выгодно, ввиду близости города. За 2 версты есть речка, участок, который хочет нанять дядя, переуступает какая-то особа за 100 рублей. На нем есть фундамент, стоящий 300 р. Площадь, кажется, около 3 десятин. За десятину в год казна берет 58 рублей.

Ты спрашиваешь про Одессу – засухи там бывают, но они сменяются урожаями, часто большими. Приморская часть Одессы покрыта садами, парками, следовательно растительность там не гибнет. Внутри города растительность плохая, за городом, от моря – голая степь...»

Вот еще одно письмо – с характеристикой одесситов:

«Я тебе послал недавно письмо с дополнительными сведениями об Одессе и свою фотографическую карточку, по-видимому все это не застало тебя в Казани. В первом письме я описал более личные впечатления от Одессы. Как ты пишешь, она мне не понравилась, но, собственно говоря, всячески бранить можно лишь одесситов – это народ не интеллигентный, помешанный на политике и т. д. Сама же Одесса расположена на красивом месте, берег ее покрыт садами и дачами более, чем на 10 верст. Почва Одессы частью глинистая, известняковая. По словам Н. Р. (Николая Рябчевского. – **Прим. авторов**) требует удобрения. Поливка почвы, как кажется, не распространена или затруднительна, только годами Одесса страдает от засух, которые, правда, сменяются урожайными годами. На Большом Фонтане продаются участки по 60 коп. за сажень, туда скоро пройдет трамвай и тогда должно быть, земля будет цениться в рублях. Море, как говорит Николай, грязно только в порту. Можно ли нам здесь устроиться. Мне кажется – здесь приб. 500 тысяч – как устроиться, это от нас зависит. Я видал план Цветоши, и как оказалось, свободными остались

лишь несколько участков, что, конечно, затруднит наш выбор, так как остальные продаются лишь случайно (право на аренду). Здесь же со слов И. Кр. найти место хотя и не очень легко, но менее затруднительно, чем в Цвет. Пишу я это все не для восхваления Одессы, но просто мне кажется выбор места для нас очень ограничен. Нам нужно место с природой по возможности девственной, чтобы удовлетворять летом, но в то же время плодородной и около города, это бывает редко, тем более около города большого, с живой интенсивной деятельностью. Таким городом является Петербург, Москва, Киев и остальные города вроде Одессы, Харькова и т. д. Под Петербургом, говорят, можно найти дивные места, но там зимы длинные и холодны. Москва, Харьков не годятся по климату. Нам остается Киев, Одесса или перспектива жить в маленьком городе».

В следующем письме Александр описывает варианты покупки дома в Одессе:

«Я написал тебе письмо об Одессе и теперь боюсь, что в нем оказалось мое личное чувство к Одессе, очень может быть недостаточно обоснованное, так как я мало знаком с ней. Теперь я спешу поправиться и посылаю дополнительные сведения, чтобы ты сам мог составить свое мнение. <...> Точно, в городе вблизи центра растительность неважная, но и то есть деревья не менее 40 лет. Приморская же часть, тянущаяся на запад не менее 15 верст, по крайней мере под Одессой покрыта парками, садами, цветниками. Дальше, на Большом Фонтане и западнее есть тоже сады и соредоточ. огородничеств. <...> По словам дяди, здесь некто Попов, купив 18 лет назад за 3 тыс. (?) сколько-то десятин, завел правильную и виноградарство, и теперь разбогател, получая с них около 70 тысяч в год. Разведение овощей, говорят, тоже выгодно, в особенности лука. Можно купить дом или дачу, что выгодно при высоких ценах на квартиры. Как говорят, дом в 20 тыс. можно купить, имея пять, для этого только нужно его как-то заложить. <...> Можно еще добавить, что хотя постройка дачи дорого обходится, цены на комнаты летом очень высоки, доходят до 100 р. комната, так, как это под Киевом. Погода в Одессе по большей части стоит хорошая и только недавно начался ветер и та промозглая морская сырость, заменяющая здесь наши зимние холода, но и то не совсем, так как в прошлую зиму (правда, этого не было около 40 лет), жаловались

старожилы, морозы достигали 28. Не знаю, не знаю – судьба или я не обжился, но с начала и до сих пор я болел лихорадкой, не знаю – крымской* или одесской, и насморком. <...>

В мае 1909 года Александр пишет из Одессы родителям уже в Святошино:

«Я давно не получаю писем от вас, хотя в Одессу приходят иногда предлинные письма. По-видимому, местность Святошина действует угнетающе. Все едут туда как в землю обетованную и безвестно исчезают яко обре.** Какие у вас планы на лето и как вы их осуществляете. Что делают или думают делать Витя и Вера? <...> Я невольно становлюсь одесским одесситом, как говорят мои сограждане – гуляю по Дерibasовской и за неимением лучшей публики разговариваю или по крайней мере бранюсь вслух сам с собой. Я был на лимане, где я буду проводить лето. Место пустынное, часть берега застроена. Много роскошной земли, есть парк. Квартиры даром только если нанимать с весны. Во второй сезон с июля можно нанять дешево. Летом на лиман съезжается много народу. Многие приезжают из заграницы, так как там нет естественных грязей. По случаю я купил замерзшую водяную малую курочку и набил ее. Не помню, насколько она редка? Праздники я проводил у дяди. Был у Марьи Васильевны – у них тоже не весело. У Маруси болят глаза и она нервничает. Через Петербург я слышал о вас. Что вы «хандрите» – не правда ли? Что за выражение! <...> В Одессе уже давно весна <...>, все уже высухло. Перелетная птица проносится на север, я уже давно видел лебедей, гусей и уток. Но погода и сама весна очень не привлекательны, одесситы оправдываются, говоря, что и старожилы ничего подобного не помнят – должно быть, врут».

* * *

Александр обживался в Одессе, Вера же вскоре уехала из Киева. Рано осознав свое предназначение, понимая, чего может и чего хочет добиться в живописи, Вера не находила учителя,

* Весной 1908 года Екатерина Николаевна, Виктор, Шура и Вера были в Судаке. Там их застало известие о смерти Бориса, посланное из Казани Владимиром Алексеевичем и Катей.

** «Мы погибоша аки обре», – целиком это старославянское выражение вошло в стихотворение Велимира «И черный рак на синем блюде...».

который помог бы ей осуществить это. Киевское училище кажется ей унылым и традиционно-академическим.

Она бросает училище, проучившись всего пару месяцев, и в сентябре 1909 переезжает в Москву, чтобы продолжить учебу в студии Юона.

К осени 1909 года перемены происходят и у родителей. Скромной пенсии Владимира Алексеевича не хватало для содержания семьи и оплаты обучения четырех детей. В сентябре 1909-го он вернулся на государственную службу и получил назначение в город Лубны Полтавской губернии.

В сентябре 1909-го Александр, продолжавший учебу в Одессе, по привычке пишет родителям в Святошино:

«Я до сих пор, послав 2 письма, ждал ваших, не зная, остаетесь ли вы в Святошине или уехали в Лубны. Недавно Маруся получила от Коли письмо, где он говорит, что Витя уехал*, Вера уезжает «неизвестно куда» <...>. Вы все что-то молчите?»

Я тут устроился очень хорошо. Нанял хорошую большую и светлую комнату за 10 рублей у приказчика (живорыбного) магазина. Семья хотя многочисленная, но мне не мешает; дети бледные и зеленые, несколько напоминают цыплят. Хозяин малоинтеллигентный, но простой и довольно симпатичный человек. У него есть энциклопедия, кое-какие книги, он с уважением относится к знаниям, в особенности к естествознанию. Недавно он поймал 3 клопа, посадил в герметически запирающуюся баночку и хочет узнать, когда они умрут, «проклятые». Пока сдох лишь один. Он еще неделю примерно не будет их открывать.

Ученья у нас нет. Начнется, должно быть, с 15-го. Я хожу почти каждый день на море. Но это скучно: оно пустынное и серое. Птицы еще не летят с севера. <...> Напишите, как вы устроились и, если будут сведения о Вите и Вере, и их адреса.

Пишите по адресу: Рыбная, № 15, кв. 15. Ст(уденту) Хлебникову».

В сентябре-октябре он пишет Владимиру Алексеевичу и Екатерине Николаевне уже в Лубны:

«Вы хотите моих писем, но, право же, писать нечего; живу я однообразно. Знакомств нет. Правда, в университете ко мне подходили студенты, но это были какие-то полулюди, в них чего-то недо-

* Виктор уезжает в Петербург, продолжать занятия в университете.

ставало. Зато я познакомился с сестрами-лихорадками. После бани я попал под дождь, промок и скрылся в театре. Там мне пришлось почти все время сидеть на месте, так как за мной следовали всюду предательские лужи-следы. Поболел, я думал, что выздоровел, но скоро стал замечать, что тощаю как лошадь, у которой пьяница-кучер. Я стал лечиться, и только теперь я снова здоров.

Меня больше всего раздражают мелкие неудачи. Я рассчитывал на Ихтиологическое Общ(ество), но там не знаю, выйдет ли какой толк, пока лишь пригласили бесплатно набить чучела. Ходил к Браунеру**, 2 раза не застал, теперь же он уехал и т. д.

Репетиций теперь (осень) нет, но, может быть, мне удастся держать по химии до Рождества.

Когда я приехал, я жил около недели у Рябчевских, они обижались, что я ел в ресторанах. Я стал есть у них и приносить фрукты, но они их не ели... в конце концов получилась чушь, и мне, и им неловко и неудобно. Не понимаю, для чего эти трюки добродетели. У Рябчевских я редко бываю. Маруся меня перестала совсем стесняться, как институтки солдат-истопников – это неприятно.

Одним я доволен – это своей комнатой, она большая и светлая, только немного далеко от Универс(итета). Правда, такая комната в центре стоит не меньше 20 рублей.

Витя недавно прислал очень милое письмо Коле Рябчевскому. Как мне кажется, не в факультете дело***, без здоровья ни поэзия, ни вост(очные) яз(ыки) не пойдут.

Пишите разборчивее.
А. Хлебников».

* * *

Виктор, живущий в Петербурге и вошедший там в самую гущу литературной жизни, ведет переписку с родителями и братом.

** А.А. Браунер (1857-1941) – известный зоолог, зоогеограф и палеонтолог, сотрудничал со студентами и преподавателями Новороссийского университета.

*** Виктор решил оставить естественные науки. В сентябре 1909 года он подал заявление о переводе его с третьего курса естественного отделения физико-математического факультета на факультет восточных языков в разряд санскритской словесности. Передумав, просит зачислить его на славяно-русское отделение историко-филологического факультета. 15 октября он был зачислен на первый курс.

Вот что писал он матери Екатерине Николаевне 16 октября 1909 г. из Петербурга в Лубны:

«Пишу Вам уже второй раз: книга не оставалась дома, и это ошибка библиотекаря.

Я познакомился почти со всеми молодыми литераторами Петербурга – Гумилев, Ауслендер, Кузмин, Гофман, гр. Толстой и др., Гюнтер.

Мое стихотворение, вероятно, будет помещено в «Аполлоне», новом петербургском журнале, выходящем в Питере.

Дела с Университетом меня сильно утомляют и [беспокоят], отнимают много времени. Я подмастерье, и мой учитель – Кузмин (автор «Александра Македонского» и др.). Гумилев собирается ехать в Африку. Гюнтер собирается женить Кузмина на своей кузине. Гр. Толстой собирается написать <нрзб> и освободиться от чужих влияний. У Гумилева странные голубые глаза с черными зрачками. У Толстого вода современника Пушкина.

Некоторые пророчат мне большой успех. Но я сильно устал и постарел. (Гюнтер – надежда немецкой литературы.) Целую и обнимаю всех лубнистов и одесситов».

Под одесситами имелись в виду младший брат Александр и семья Рябчевских. Буквально через неделю, 23 октября, Велимир Хлебников отправляет Александру в Одессу письмо очень похожего содержания:

«Дорогой Шура! Как дела в Одессе? Я пишу наскоро письмо. Я буду участвовать в «Академии» поэтов. Вяч. Иванов, М. Кузмин, Брюсов, Маковский – ее руководители. Я познакомился с Гюнтером, которого я полюбил, Гумилевым, Толстым. Я поправился. И хорошо смотрю. Гумилев написал «Данте», которое тебе, я помню, понравилось. Напиши мне, что ты думаешь о поэзии. Я очень ценю за глубину, искренность и своеобразие, чего у меня бедно. Мое стихотворение в прозе будет печататься в «Аполлоне». И я делаю вид, что очень рад, хотя равнодушен. Я пришлю тебе отпечаток.

Я подмастерье знаменитого Кузмина. Он мой magister. Он написал «Подвиги Александра Македонского». Я пишу дневник моих встреч с поэтами. Кланяйся Г. В. и всем».

А вот письмо Велимира к Александру, в Одессу, от 16 января 1910 года:

«С Новым годом! Дорогой Шура, извиняюсь на всех живых и мертвых наречиях, что до сих пор не выслал птиц (см. сноску о Павде. – **Прим. авторов**). Оправдаться могу только тем, что и мои вещи пролежали на вокзале около месяца. Мы собираемся, откладывая, и, как песчинка не делает разницы между горой и горстью, так и мы опаздываем из высокомерия к отдельному дню. Вот поучение. Желая, чтобы <ты> что-нибудь сделал из птиц. Я на них махнул рукой. Может быть, можно к твоему докладу добавить хвостик, чтобы высказаться мне о происхождении видов? Мне казалось, что в этом вопросе я был глубок и нов. Передай новогодние пожелания Марии Николаевне, тете Варе, Коле старшему и младшему, если они не слишком имеют вид величеств. Твой брат до конца земных ошибок, близок он или далек.

Velimir [Виктор]».

В письме к матери от 1 февраля 1910 года Виктор спрашивает ее о Шуре и пишет о том, что будет «вспоминать Малороссию»:

<Штемпель: Петербург, 1 февраля 1910 г.>

«Я написал не очень давно два письма, но не знаю дошли ли они, так как были недостатки в адресе. От Веры получил очень неразборчивое, но из него ясно, что она очень печально настроена. Вероятно, в М<оскве> большие морозы, потому что она пишет «с весной оживем «теплом». В письме же она пишет про русалочку, которая лезла на дуб и оборвалась, упав на землю.<...> Кукла всем очень нравится, и если можно, то пришлите еще две таких куклы или одну. Я ее кому-нибудь подарю, Ремизову, например, а другую оставляю у себя. Я буду вспоминать Малороссию. Сейчас я жив, бодр, здоров. Мой адрес совсем другой: Волкова деревня, С.-П. Волковский проспект, д. № 54, Михайлова, мне. Я получил урок. Куда собирается Шура на лето? Я бы советовал бы ему побывать в имении «Ascania nova» Фальц-Фейна в Таврической губ., на берегу Черного моря и около Днепра. Там есть зебры, зубры, бизоны, дикие лошади. Этот зверинец известен всему миру, кроме России, хотя он находится в ее пределах. Там же он мог бы заняться наблюдениями с разрешения хозяина. Я не знаю, что я буду делать и где. Одно время думал о поездке в Черногорию. Теперь не знаю. Я продолжаю бывать в Академии Стиха».

К этому моменту в жизни Велимира произошли важные события. В октябре 1909 года в доме Михаила Матюшина и Елены

Гуро он познакомился с братьями Давидом и Владимиром Бурлюками. Через несколько дней после знакомства Давид Бурлюк перевез Хлебникова к себе, в петербургскую квартиру, а весной они поехали в Чернянку, имение графа Мордвинова, которым управлял Давид Федорович, отец большого семейства Бурлюков. Чернянка становится своеобразной штаб-квартирой русского футуризма. Древнее название этой местности, которое встречается у Геродота, – Гилея – становится еще одним названием группы. Многие сборники футуристов, и в том числе Хлебникова, вышли в издательстве «Гилея». Для друзей-футуристов – или бюджетян, как любил говорить Хлебников, это было местом, где все еще ощущалась связь с античной культурой.

Этим же летом 1910-го в Чернянке жил и работал Михаил Ларионов. Оттуда Велимир Хлебников уехал в гости к Рябчевским, в Одессу. Вот что писал Давид Бурлюк в июле 1910 г. в письме к М.В. Матюшину: «Работаем мы это лето и много, и мало. Все лето почти у нас писал М.Ф. Ларионов. Был Хлебников, сейчас он уехал – Одесса-Люстдорф, дача Вудст'а». По воспоминаниям Марии Николаевны Рябчевской (см. статью А. Парниса «В Одессе, а это было в Одессе...» в 1-м номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская»), в этом году они жили в доме № 13 по улице Белинского и на даче Вирта в Люстдорфе.

Из Одессы Велимир вновь едет в Чернянку и в Петербург возвращается поздней осенью. Туда же приезжает Вера. Решив оставить Москву и студию Юона, Вера поселяется в Петербурге у тети Сони, Софьи Николаевны. Поступает в рисовальную школу Общества поощрения художников, в класс профессора Академии художеств Я.Ф. Ционглинского. Веру Ционглинский сразу выделил среди учеников, считая ее выдающимся живописцем.

В сентябре того же 1910 года Александр Хлебников перевелся на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета – его прошение «от студента физико-математического факультета естественного отделения IV семестра» от 29 мая 1910 г. на имя ректора Новороссийского университета хранится в его личном деле в Одесском областном государственном архиве. После отъезда брата из Одессы Хлебникова связывали с нашим городом только Рябчевские.

Велимир Хлебников в Чернянке со знакомой, Бондаренко

Четверо Хлебниковых оказываются осенью 1910 года в Петербурге – Катя Хлебникова учится там же на стоматолога.

В Украину Велимир вернется через два года. С весны 1912 он живет в Чернянке, имении графа А.А. Мордвинова, управляющим в котором служил отец семейства Бурлюков Давид Федорович. В начале лета 1912 года Велимир приезжает в Одессу во второй – и последний – раз. Он недолго гостит у Рябчевских на Базарной, 10, проведя перед этим несколько месяцев в Чернянке, и туда же вновь из Одессы возвращается.

Свою первую, только что вышедшую книжку «Учитель и ученик», изданную за собственный счет, Велимир отправил в Алферово, где на лето снова собралась вся семья. О том, какое впечатление произвела книжка на родственников, можно судить по письму Велимира, отправленному им 5 июня 1912 года из Одессы:

Вера Хлебникова в неаполитанском костюме.
1913

«Я был сердечно рад получить ваше письмо (обращаюсь пока к Кате и Шуре). Оно меня порадовало неподдельно любуясь искренностью. Но в ответ на него я тоже отвечу всей полнотой откровенности: оно пропитано трусостью, желаньем прибегать к уловкам – вещи, которых я избегаю. Уверяю вас, что там решительно нет ничего такого, чтобы позволяло трепетать, подобно зайцам, за честь семьи и имени. Наоборот, я уверен, будущее покажет, что вы можете гордиться этой скатертью-самобранкой с пиром для духовных уст всего человечества, раскину-

той мной. Но все же хорошо, что середина и конец понравились.

У Ивана Степ. Рождественского!! не брал. Я рад, что радую.

Я здесь читаю Шиллера, «Декамерон», Байрона, Мятлева. Но вопреки желаниям сам ничего не делаю. Каждый день купаюсь в море и делаюсь земноводным, потому что в воде совершаю столь же длинные путешествия, как и на суше. Я тронут, что Вера не присоединилась к семейной дрожи за потрясение основ и благодарю за письмо, похороненное рукой зайца. Я хочу думать, что все вы здоровы. Маруся уехала в Святошино. Коля кончает испытания, похудел и вытянулся. Я пришлю еще «Разговор».

Вера понимала и поддерживала Велимира, и он платил ей тем же. С помощью брата Вера уговорила родителей отпустить ее учиться за границу. Осенью 1912 года Вера уехала в Париж и поступила в частную студию, Академию Витти, где профессором был Кеес ван Донген. Это был первый учитель, которого Вера приняла, советам которого следовала. Профессор также выделил ее среди остальных учеников.

Но зима в Париже показалась Вере слишком темной и промозглой, а жизнь в столице – слишком дорогой. Вера снова решает

бросить учебу и снова переезжает – на этот раз в Италию. Сначала на Капри, куда в 1913 году она «прибыла без единого су».

«Здесь *очень* хорошо, несмотря что мы питаемся хлебом, лимонами и яйцами. Попав в Италию, я почувствовала себя дома, и теперь вполне понимаю, почему Гоголь так ее любил. Я сразу почувствовала какое-то родство с Украиной. Италия как бы ее прообраз, но более роскошный, более величественный и благодатный, и моя запорожская душа дома».

После Капри Вера поселилась во Флоренции, поступила в академию, бросила учебу – Флорентийская академия была скучна. Вскоре и Флоренция стала ей не по карману, денег, с трудом присланных родителями, не хватало, и Вера переселилась в пригород, сняла комнату в крестьянском доме и, обретя уверенность в своих силах, занималась живописью.

* * *

Помимо Велимира в 1912 году в Одессе побывал и Владимир Алексеевич – возможно, вспомнив рассуждения Александра. Но все же для жизни семьи им был выбран родной для него город – Астрахань.

Там, под родительским кровом, жила Катя, туда приезжали сыновья.

В 1915 году Александр поступил в артиллерийское училище, с тем чтобы попасть на фронт прапорщиком. Весной 1916 года призывают и Велимира, для которого освидетельствования, казармы, шинель и строевой шаг были мучительны.

Недолгий отпуск Велимир проводит в Красной Поляне под Харьковом, где гостит у сестер Синяковых.*

В начале сентября 1916 года Виктор пишет сестре Кате в Астрахань из Красной Поляны:

«Милая Катюша!

<...> Я около Харькова, живу в 12 верстах от железной дороги, в усадьбе среди плодового сада. Каждый день хожу за грибами, собираю белые и красные грибы, как дрова; мне очень хорошо,

* Одной из сестер Синяковых была художница Мария Михайловна Синякова-Уречина, член союза «Председателей земного шара».

Велимир Хлебников

и я отдохнул лет за 10 за эти две недели; я сильно загорел и забыл, что где-то есть война, военная повинность, доктор Романович и проч.»

Вера вынуждена была покинуть полюбившуюся ей Флоренцию – война затрудняла пересылку денег. Осенью 1916 года Вера вернулась на родину – в уверенности, что с Италией расстанется ненадолго. С собой она взяла всего лишь несколько маленьких работ, тех, что помещались в чемодан. Остальное осталось на хранении в крестьянском доме, где она снимала комнату.*

В 1917 году Велимир снова проводит свой отпуск в Харькове. Там, снова получив повестку,

он проходит 10-дневное освидетельствование в психиатрической лечебнице – Сабуровой Даче – и, наконец, его непригодность к военной службе подтверждена.

Он едет в Москву, Петербург, Астрахань и в апреле 1919 года вновь приезжает в Харьков, назначенный тогда столицей Украинской республики. Оттуда едет в Красную Поляну.

Шура был призван в Красную армию.

В июне армия Деникина захватила Харьков, Калмыкию, бои с Деникиным велись и на подступах к Астрахани.

Велимира пытаются мобилизовать в Добровольческую армию. Как и в 1916 году, он спасается от призыва, проходя комиссию в Сабуровой Даче.

В декабре 1919 года Красная армия снова заняла Харьков. Велимир, освобожденный от воинской службы, остался в Харькове.

* Еще в тридцатые годы приходили письма, что работы ждут ее. Потом переписка оборвалась. Судьба работ неизвестна.

В 1920 году Шура пропал без вести на польском фронте. Велимир в Харькове, болен тифом. По выздоровлении он отправляется по поручению харьковского политпросвета в Баку, затем в Персию. Больше в Украине побывать ему не довелось.

В 1922 году поэт едет в Новгородскую губернию, в село Санталово – с другом, художником Петром Митуричем. Там он заболевает и умирает.

* * *

В 1924 году Вера выходит замуж за Петра Митурича. В 1925 году рождается сын, Май Митурич-Хлебников.

«Я не могу себе простить, что я не был в Киеве», – писал Велимир Вере из Баку в 1921 году.

Вера дважды приезжала в Киев с подросшим сыном в гости к Александре Карловне Митурич, матери Петра Васильевича.

Павел Митурич с сыном Маем. 1925 год

Возможности работать у художницы в этих поездках не было, но Украина, как и Италия, вызывала эту потребность – Вера пишет Петру Митуричу: «Мне начинает хотеться рисовать, краски переживаю глазами...».

* * *

Несмотря на то, что Велимир Хлебников побывал в Одессе лишь дважды, влияние его на литературу «Юго-Запада», на литераторов «одесской школы» – безусловно. Одесский культуролог и литературовед Евгений Голубовский встречался с писателем Сергеем Бондариним, одним из одесской плеяды, другом Эдуарда Багрицкого и Семена Гехта, – и Бондарин рассказывал ему, что они осознали Хлебникова именно через Багрицкого, который читал на память множество его текстов. Сам Бондарин с подачи «птицелова» увлекся Хлебниковым и собрал с десятков его книг. Но настоящим «рыцарем» Хлебникова стал Юрий Олеша. Он вошел в созданную Алексеем Крученых «группу друзей Хлебникова», переписывавших его тексты на литографскую машину и издавших тридцать книг «Неизданного Хлебникова». Две из них и по сей день есть в коллекции Евгения Голубовского.

Московский журналист Исаак Владимирович Глан, приятель Юрия Олеша, писал о том, что Олеша считал Хлебникова гением: «Конечно, гений. Он сказал об олене: испуг, цветущий широким камнем. Его поэмы не всегда понятны. Он складывал свои рукописи в мешок, а потом их не могли собрать. Его издадут? Странно».

Высоко ценил Хлебникова и Валентин Катаев, который описал в повести «Алмазный мой венец» свои встречи с ним. В квартире Ольги Николаевны Фоминой в Мыльниковом переулке, где одно время жили Катаев и Олеша, несколько дней ночевал и Хлебников. И даже спустя пятьдесят лет Катаев цитировал по памяти в своей повести строки Хлебникова, называя их гениальными.

Прошло сто тридцать лет со дня рождения Велимира Хлебникова. Отрадно заметить, что интерес к его творчеству не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается. А значит, его творчество неизбежно будет вдохновлять литераторов новой одесской плеяды.